

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.12>

Смирнов Кирилл Валентинович

"НЕНАСТОЯЩИЕ ГЕРОИ" РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛЕТИЯ

В статье анализируются образы Ларисы Огудаловой и Паратова ("Бесприданница" А. Н. Островского). Опираясь на основополагающие психоаналитические труды К. Г. Юнга, К. Кереньи, а также Д. Хилмана, Г. Бэчеларда, Дж. Сиенфилда и проч., автор исследовал мировоззренческие ориентиры действий Паратова. Предметом анализа в настоящей работе становится тип "ненастоящего героя" (иллюзиониста), беспринципного, бесчеловечного, с презрением относящегося к чувствам других, явившегося причиной трагедии и смерти главной героини, переживающей подлинную драму, связанную с иллюзией настоящей любви к Паратову.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 64-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Прохорова Т. Г. Особенности художественной интерпретации темы Смуты в малой прозе Юрия Буйды (на материале рассказа «Смерть эфанта») // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 231-235.
11. Сорокина Т. В. Интертекстуальные стратегии Ю. Буйды (по рассказу «Ство (Прозрения Германа Непары)») // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 2. С. 113-124.
12. Черноусова И. П. Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах // Русская речь. 2012. № 1. С. 93-99.

“BEAUTY” CONCEPT IN YU. V. BUIDA’S STORY “LA TUN”

Sizykh Oksana Vasil'evna, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
777ruslit@mail.ru

The article examines the conceptualization of the aesthetic concept “beauty” by the material of the story “La Tun” of the famous modern prose-writer, laureate of prestigious literary awards Yury Vasilyevich Buida. The paper reveals the author’s original techniques to emphasize ontological and axiological meaning of the “beauty” concept (mythological symbolism and folkloric attribution), identifies the specificity of its figurative representation (beautiful Chinese woman La Tun as a model of beauty); considers semantic structure of the aesthetic constant (semantic nucleus – the category of “beauty” – and peripheral components represented through details). The “beauty” concept is formed through cultural reflection in the context of human existence, in which an individual’s life is an element of universal existence. Marginal personages’ existential experience is carnivalized by means of the ambivalence principle. As a result, the opposition “real – illusionary” acquires ontological meaning. Buida develops the image of brass (“latun” in Russian) beauty as false harmony contrasting the established conception of beauty expressed by the “golden section” formula.

Key words and phrases: modern Russian prose; story; Buida; concept; beauty; world model; ideal.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 05.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.12>

В статье анализируются образы Ларисы Огудаловой и Паратова («Бесприданница» А. Н. Островского). Опираясь на основополагающие психоаналитические труды К. Г. Юнга, К. Кереньи, а также Д. Хилмана, Г. Бэчларда, Дж. Сиенфилда и проч., автор исследовал мировоззренческие ориентиры действий Паратова. Предметом анализа в настоящей работе становится тип «ненастоящего героя» (иллюзиониста), беспринципного, бесчеловечного, с презрением относящегося к чувствам других, явившегося причиной трагедии и смерти главной героини, переживающей подлинную драму, связанную с иллюзией настоящей любви к Паратову.

Ключевые слова и фразы: герой; иллюзионист; архетип; тип; трагедия любви; Островский; Тургенев.

Смирнов Кирилл Валентинович, к. филол. н.
Вологодский колледж связи и информационных технологий
kirill_smirnov_1989@list.ru

«НЕНАСТОЯЩИЕ ГЕРОИ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Любое событие, продиктованное эпохой, находит свое воплощение в искусстве и в разной степени интерпретируется художником писателем или философом соразмерно степени актуальности. Таковым был роман Э. Золя «Жерминаль», написанный в конце XIX века и ставший иллюстрацией тягот повседневной жизни шахтеров. Таковой была книга «Война и мир» Л. Н. Толстого, акцентирующая внимание читателя на понятиях патриотизма и морали, выраженных в формате «диалектики души». Таковыми являлись практически все произведения писателей золотого века русской литературы, в которых контекстуально развивалась основная проблема – проблема крепостного права, косвенно породившая два основных вопроса: вопрос женских прав и вопрос положительного героя. Пытаясь найти ответы, авторы стремились создать особого персонажа, способного стать примером для подражания и стимулирующего своими поступками активную трансформацию окружающей действительности в более пригодные для жизни рамки. И. С. Тургенев, И. А. Гончаров под влиянием творчества А. С. Пушкина выводят нигилиста Базарова [13] и капиталиста Штольца [2]; Н. А. Некрасов – «народного заступника» Гришу Добросклонова [9]; Н. Г. Чернышевский – философа Рахметова [14]. Каждый из этих героев претендовал на статус положительного, но ни один из них не стал таковым в силу объективных обстоятельств.

Параллельно с темой положительного героя развивалась тема женской эмансипации: от Татьяны Лариной до Ларисы Огудаловой – героинь нового психологического типа, новой формации. Вопрос женских прав и положения женщины в обществе XIX века в литературной интерпретации до сих пор разрабатывается и фактически остается открытым. В современном литературоведении эта тема не потеряла своей значимости. В настоящей статье она получает иное освещение, что и определяет **актуальность** исследования. **Цель** работы состоит в том, чтобы доказать: сочетание проблемы положительного героя и темы женской эмансипации

предопределило появление особых типов персонажей – ненастоящих героев, чье представительство в русской литературе XIX века многообразно и вправе претендовать на архетипичность. **Задачи** работы: во-первых, дать определение Illusionist как особого типа героя; во-вторых, выявить его архетипичность и определить особое положение героя в произведениях художественной литературы XIX века; в-третьих, проанализировать зависимость этого образа от той исторической ситуации, в которой он развивался применительно к окружающему обществу; наконец, продемонстрировать, как именно развивался тип Illusionist в социуме середины XIX века – времени, когда проблема женской эмансипации была наиболее острой.

Выделение нового типа литературного героя – Illusionist – предопределило **научную новизну** данной работы. Об этом и пойдет речь в настоящей статье, библиографической основой которой стали исследования К. Г. Юнга, Г. Гантрипа, Д. Хилмана, А. В. Уланова и проч.

Прежде чем начать разговор об Illusionist, необходимо оговорить нюансы исторической ситуации, играющей важную роль в формировании образа главного героя – Паратова, о котором пойдет речь далее. Фактически целостность данного образа определена близостью с Ларисой, бесприданницей без каких-либо прав. «Правовое положение женщины становится объектом внимания и изучения накануне отмены крепостного права. Это свидетельствует о том, что критика правового статуса женщины есть часть общей критики устоев самодержавного строя в годы первой революционной ситуации. Активное обсуждение правоведомы в 50-60-е годы женского вопроса явилось закономерным развитием общественного интереса к судьбе женщины, существовавшего в России еще в начале XIX в.» [11, с. 28], – пишет Г. А. Тишкин. Юридический аспект о правах женщины в обществе становится предметом многочисленных дискуссий. Одной из таковых был спор между московским юристом И. В. Васильевым и профессором Харьковского университета А. В. Куницыным.

И. В. Васильев публикует книгу для женщины «Фемида», в которой описывает женские права и обязанности. Также Васильев предлагает ввести иерархию в отношении женщин. В соответствии с ней женщины не могут быть равны перед законом и потому должны быть разделены на три класса: высший (дворянство и духовенство), средний (представительницы купечества и мещанства) и низший (его формируют крестьянки) [1].

Иной позиции придерживался А. В. Куницын. По мнению профессора, «что бы не говорила отвлеченная теория об уравнивании прав между гражданами, положительные законодательства представляют нам много постановлений, не согласующихся с ее требованиями... Везде право лиц мужского пола есть право, так сказать, нормальное, а из него существуют большие или меньшие изъятия для другого пола, изъятия – иногда в пользу женского пола, иногда к невыгоде» [7, с. 6-7]. Фактически суть воззрений Куницына сводилась к следующему: женщина зависима от супруга полностью – как лично, так и имущественно.

При таком подходе роль женщины едва ли можно считать социально определенной. Поэтому уместно говорить об изначальной слабости бесприданницы Ларисы. Именно слабость есть главное орудие манипуляции. Именно им и воспользовался Паратов как герой, типичный для литературы своего времени. Именно его можно назвать Illusionist в полном смысле этого слова.

«Мифологические мотивы являются фактами: они никогда не меняются; меняются лишь теории» [21, р. 2] – писал К. Г. Юнг. Данное высказывание полностью соответствует проблеме ненастоящего героя, или Illusionist, в русской литературе XIX века. Illusionist – образ, присутствующий в тех произведениях, где в равной мере сосуществуют тема женской эмансипации и проблема лишнего человека. Его роль в произведении – особая, уникальная. Он, как правило, довольно привлекателен внешне, отличается обаянием и человечностью, способен вникать в чужие проблемы и формировать у собеседника доверительное отношение к себе. Но он ни в коем случае не лишний человек. Его не терзает собственная бесполезность, как Онегина или Печорина; ему чужд поиск самого себя и своего места в мире, как Райского или Инсарова. Он – эгоистический потребитель, занимающий место рядом с главной героиней, как правило, и создающий иллюзию собственной исключительности. Примеров такого типа персонажей в русской литературе довольно много, однако наиболее ярко Illusionist проявляется в образах Паратова («Бесприданница» А. Н. Островского [10]), Фустова («Несчастная» И. С. Тургенева [12]) и Волохова («Обрыв» И. А. Гончарова [3; 4]). Именно за счет этих героев формируется центральный конфликт произведений, основывающийся на проблеме определенности. Паратов представлен Островским как герой, в недавнем прошлом имевший отношения с Ларисой Огудаловой. Известно, что Лариса очень сильно его любила, но он ее предал, уехав «зарабатывать» деньги. И вот спустя много лет Паратов возвращается. Он встречается с Ларисой и узнает о том, что девушка собирается выходить замуж за Карандышева – человека простого звания и довольно посредственного образования, хвастливого, но нежадного и искреннего в своих чувствах. Паратов решает испортить жизнь Карандышеву, руководствуясь исключительно эгоистическими мотивами. Он соблазняет Ларису, зная, что она до сих пор любит его. «Они не думали, что возможна такая любовь и страсть. Ради нее они проходят сквозь боль и жизненные потрясения и страдают от чувства вины, причиняя боль другим, даже детям, для того, чтобы прийти к единению» [24, р. 215], – пишет А. В. Уланов. Так думала Лариса, но не Паратов. Именно Лариса становится предметом его искушения как жертва, не являющаяся хозяйкой своей судьбы. «Пристальное внимание и серьезное отношение к нашим фантазиям может освободить нас от оков так называемого “плохого объекта”» [23, р. 152], – замечает Дж. Сиенфилд. Однако избавление от подобной «патологии» не всегда есть окончательное освобождение – фактор опыта прожитого становится ключевым: по наблюдению Г. Гантрипа, прошлое нельзя стереть из памяти в той мере, чтобы оно перестало окончательно участвовать в жизни пусть и на ассоциативном уровне [19]. Но Лариса не может этого сделать. Она слаба, т.к. находится под влиянием чувств. В этом

она схожа с Катериной, героиней пьесы «Гроза» А. Н. Островского. Лучом света в темном царстве называет ее Н. А. Добролюбов [5], сопоставляя с другими героями. Такова и Лариса – она слишком слаба для того, чтобы сопротивляться ухаживаниям Паратова, т.к. не является самодостаточной личностью. В мире «темного царства» она одна бескорытна в своих действиях, ищет лишь одного – счастья. Паратов же обнаруживает это и использует слабость Ларисы в своих корыстных целях. В этом первая особенность образа Illusionist – он всегда рядом со слабыми, с теми, кто уязвим и в определенной мере зависим от него самого. Как справедливо полагает Н. П. Меденцева, Паратов создает иллюзорный идеал, в который влюбляется героиня [8].

Лариса погибает с улыбкой на глазах, благодаря Карандышеву за выстрел. Получается, что виноват ее несостоявшийся муж, доведенный до исступления и нажавший на курок. Паратов же и вовсе не при чем – он лишь разговаривал с девушкой, что-то ей обещал и даже в чем-то клялся. Но слова его едва ли значили что-то для него самого. Следовательно, вторая особенность – Illusionist бесчеловечен, что выражается в презрении к другим людям и их чувствам. После смерти Ларисы Паратов остается Паратовым и едва ли будет сожалеть о смерти одной из многих девушек (что предполагается из контекста пьесы), наивно в него влюбившихся. В этом состоит третья особенность: Illusionist мыслит разумом, в то время как его чувства мертвы. Образ героя-искусителя может быть соотнесен, на что обращает внимание Д. Хилман [20], с образом библейского змея. «Змей в раю – символ опасного знания (познания сексуальности). Отсюда до фаллистической и сексуальной символики – один шаг, и его делает змей-искуситель, воплощение сил опасных и злобных, оружие которого – соблазн, успешно опробованное на Еве (Анима)» [6, с. 142]. Именно анима, женское начало, выступает в пьесе жертвенным, в то время как анимус, мужское, – темным, разрушающим. Г. Бэчлард утверждает, что Анима и Анимус – два вида сознания, присущего всем [18]. Ту же позицию занимает и В. Каст применительно к синтезу понятий Анима и Анимус [22]. «Целостность заключается в союзе сознательной и бессознательной личности. Точно так же, как каждый индивид происходит от мужских и женских генов, и пол определяется преобладанием соответствующих генов, так и в психике мужчины только сознание имеет мужской знак, в то время как бессознательное по своей природе женственно. Обратное справедливо для женщины» [17, с. 114], – пишет Юнг. По мнению психиатра, именно женское бессознательное и есть Анима. Дуализм анима – змей-искуситель становится основополагающим. Однако, по мнению Юнга, анима отчасти и есть змей-искуситель: «Все, относящееся к Аниме, нуминозно, т.е. безусловно значимо, опасно, табуировано, магично. Это змей-искуситель в раю тех безобидных людей, что переполнены благими намерениями и помыслами. Им он предоставляет и самые убедительные основания против занятий бессознательным» [16, с. 129]. Здесь Юнг синтезирует два полярных по своему содержанию аспекта: жертвы и искусителя – и, применительно к библейскому сюжету об Адаме и Еве, пишет: «Чтобы возникшая жизнь не исчезла, душа убеждает ее в самых невероятных вещах. Она ставит западни и капканы, чтобы человек пал, спустился на землю, жил на ней и был к ней привязан; уже Ева в раю не могла не уговорить Адама вкушать запретного плода. Не будь этой переливчатой подвижности души, при всем своем хитроумии и великих стремлениях человек пришел бы к мертвому покою» [Там же, с. 128]. Однако змей не есть Ева. Прослеживается триада: Искуситель – Анима – Жертва. В пьесе подобная ось отчетлива: Паратов – Лариса – Карандышев. Паратов сеет раздор в отношении молодой пары, Лариса верит его словам и погибает, а Карандышев оказывается крайним. Элемент сексуальности, как опасное знание, воплощен через лживую любовь Паратова к Ларисе. Именно фактор открытости, независимости от моральных предрассудков становится краеугольным камнем для героини в той же мере, в которой запретный плод наделяет самостью Адама и Еву в раю. Так же как и Ева, Лариса в определенный момент оказывается в состоянии выбора: либо довериться «сказкам» о счастливом будущем, либо оставить все как есть и жить по-старому. Но героиня не могла быть консервативной. Причиной этому ее Анима – бессознательное проявление. «Желая жизни, Анима желает и добра, и зла» [Там же, с. 129]. Поступок Ларисы – решение улучшить свою жизнь, не принимая во внимание чувства Карандышева.

Гибель героини предопределена сюжетом: иллюзия идеальности, созданная Паратовым, разрушается. Герой отказывает девушке, исключая все возможные варианты ее спасения. Теперь Ларисе просто некуда деться: назад она не может вернуться ввиду морально-этических предрассудков. Вперед ей пути нет в силу отказа Паратова. Смерть остается единственным вариантом. Как речи змея-искусителя становятся причиной изгнания Адама и Евы из рая, так же слова Паратова губят Ларису и предопределяют судьбу Карандышева. Тихий мир быта навсегда разрушен.

Подобную ось можно проследить в двух других произведениях. В повести «Несчастливая» И. С. Тургенева Сюзанна, надеясь на любовь Фустова, разочаровывается в нем, когда герой, любимый ею, отрекается от нее из-за безосновательных, ни на чем не основанных сплетен. Жертвой выступает Мишель. У И. А. Гончарова в романе «Обрыв» анима представлена в образе Веры, пострадавшей от речей Волохова, опорочившего ее репутацию. Жертвой же становится Райский. Следовательно, можно провести параллель: Змей-искуситель (Паратов, Фустов, Волохов) – Анима (Лариса, Сюзанна, Вера) – Жертва (Карандышев, Мишель, Райский). Образ Illusionist, таким образом, актуализируется как типичный и может быть рассмотрен в архетипическом контексте уже более детально при изучении творческого наследия Гончарова и Тургенева.

Женский вопрос всегда был особенным, актуальным и принципиальным как в литературе, так и в любом другом виде искусства. Ему совершенно чужды и неизвестны такие понятия, как философия бытия, национальность, историческая ситуация. Основой его всегда выступал гендерный фактор, продиктованный даже не временем, а, скорее, тем темным прошлым, которое может быть лишь затронуто, но не освещено

на страницах субъективных исторических трактатов. Можно много говорить о физиологии, об истоках появления притеснения женщин мужчинами – эта тема исключительная, имеющая разнообразные толкования. У Островского она получила воплощение «Искуситель – Анима – жертва», такое, которое вряд ли может существовать в проповедующем гуманистические ценности обществе.

Подводя итог ранее сказанному, необходимо отметить: образ Illusionist представлен во многих литературных произведениях русской литературы XIX века. Герои данного типа имеют ряд отличительных особенностей:

- 1) Illusionist всегда рядом со слабыми, с теми, кто уязвим и в определенной мере зависим от него самого;
- 2) Illusionist бесчеловечен, что выражается в презрении к другим людям и их чувствам;
- 3) Illusionist мыслит разумом, в то время как его чувства мертвы.

Таких примеров, как Паратов, немало в русской литературе: эти герои без чувств, действия которых обусловлены лишь холодных расчетом, – часть эпохи, отразившейся в ее представителях.

Список источников

1. **Васильев И.** О гражданском состоянии женского пола в России // Вестник Европы. 1826. № 18. С. 102-108.
2. **Гончаров И. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 4. Обломов. 424 с.
3. **Гончаров И. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 5. Обрыв. 304 с.
4. **Гончаров И. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 6. Обрыв. 393 с.
5. **Добролюбов Н. А.** Луч света в темном царстве // Добролюбов Н. А. Русские классики: избранные литературно-критические статьи. М.: Наука, 1970. С. 231-300.
6. **Жульен Н.** Словарь символов. Челябинск: Урал ЛТД, 1999. 512 с.
7. **Куницын А.** О правах наследования лиц женского пола // Отчет о состоянии императорского Харьковского университета. Х., 1844. С. 5-142.
8. **Меденцева Н. П.** Художественные средства создания социальных типов в драме А. Н. Островского «Бесприданница» // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 953-954.
9. **Некрасов Н. А.** Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1982. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. 687 с.
10. **Островский А. Н.** Бесприданница // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 8. С. 157-231.
11. **Тишкин Г. А.** Женский вопрос в России, 50-60-е гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
12. **Тургенев И. С.** Несчастная // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 7. С. 116-193.
13. **Тургенев И. С.** Отцы и дети // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 151-337.
14. **Чернышевский Н. Г.** Избранные произведения: в 3-х т. Л.: Художественная литература, 1978. Т. 1. Что делать? 448 с.
15. **Юнг К. Г.** Алхимия снов: четыре архетипа. М.: Медков С. Б., 2011. 312 с.
16. **Юнг К. Г.** Архетип и символ. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2016. 336 с.
17. **Юнг К. Г.** Душа и миф: шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1986. 384 с.
18. **Bachelard G.** The Poetics of Reverie. N. Y.: Orion, 1969. 228 p.
19. **Guntrip H.** Schizoid Phenomena, Object Relations and the Self. N. Y.: International Universities Press, 1969. 438 p.
20. **Hillman J.** The Myth of Analysis. Evanston: Northwestern University Press, 1998. 320 p.
21. **Jung C. G.** Letters / ed. by G. Adler, A. Jaffe. Princeton: Princeton University Press, 1975. 192 p.
22. **Kast V.** The Nature of Loving: Patterns of Human Relationship. Asheville, North Carolina: Chiron Publications, 2013. 114 p.
23. **Seinfeld J.** The Bad Object: Healing the Negative Therapeutic Reaction in Psychotherapy // British Journal of Psychiatry. 1990. № 158. P. 152-153.
24. **Ulanov A. B.** For Better and for Worse // Psychoanalytic Review. 1986. № 73. P. 214-216.

“FAKE HEROES” OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Smirnov Kirill Valentinovich, Ph. D. in Philology
Vologda College of Communication and Information Technologies
kirill_smirnov_1989@list.ru

The article analyses the images of Larisa Ogudalova and Paratov (the play “Without a Dowry” by A. N. Ostrovsky). Basing on the fundamental psychoanalytic works by C. G. Jung, K. Kerényi, as well as J. Hillman, G. Bachelard, J. Seinfeld and so on, we have examined the worldview guidelines of Paratov’s actions. The subject of the analysis in the paper is the type of a “fake hero” (illusionist), unprincipled, inhuman, disdainful of others’ feelings, who caused the tragedy and death of the main heroine experiencing genuine drama associated with the illusion of true love for Paratov.

Key words and phrases: hero; illusionist; archetype; type; tragedy of love; Ostrovsky; Turgenev.